

Ани Файер

Желанная для него

УДК 7.04
ББК 85
Ф12

Файер А.

Ф12 Желанная для него / Ани Файер. – М.: Литнет, 2026. – 102 с.

ISBN 978-5-521-99513-4

Он казался мне жестоким даже тогда, когда был другом моего младшего брата. Он странно смотрел на меня с самого первого дня нашего знакомства и постоянно злился, когда приходил к брату в гости. Казалось, он ненавидит меня. Я всегда сторонилась его, думая, что боюсь этого дикого зверёныша. Но прошло время, и он превратился в мужчину грёз. И моих тоже. Только вот его ненависть с годами стала ещё яростней и более открытой по отношению ко мне. Или это вовсе не так и мне всё только кажется?

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99513-4

© Литнет, 2026
© Файер А., 2026

От автора

У меня – всё, как обычно: алкоголь, нецензурная лексика, секс, но в этот раз героиня старше. Да-да, почему-то захотелось совратить молоденького!) Ну как молоденького... не совсем) Герою будет двадцать семь. Наша героиня тоже будет молода и довольно горяча, но немножко старше героя! Наверное...

Итак, предупреждения:

1. 18+
2. Секс
3. Нецензурная лексика
4. Героиня немного старше героя
5. Добавлю ещё одно, но совсем не критичное – герой довольно жестокий, ну или скорее, просто злобный.
6. Одержимость!

Для себя решила, что это произведение пойдёт также к циклу «Желанная», но никак не связано с предыдущими частями, кроме общего знаменателя, естественно. Впрочем, как и остальные мои книги по этой серии.

P. S.: Герои взяты из моего больного и разыгравшегося воображения, поэтому любые совпадения – чистая случайность!

Приятного прочтения!

Всех люблю, целую!!!!

Глава 1

Ярослав Федорцов

Кап-кап...

Лето, но сегодня пасмурно и прохладно. Я в джинсах и футболке стою спиной к выходу из вокзала и смотрю на хмурое небо, опираясь локтем о дверцу своей машины. Начинается дождь. Но внутрь не сажусь, нервничаю что-то и курю уже вторую сигарету подряд. Нужно проветрить мозги и привести свои чувства в равновесие. Я устал. И волнуюсь, честно признаться, от предстоящей встречи с НЕЙ.

– Вон и она, – улыбаясь произносит Гор, глядя мне за спину, кивая головой куда-то в сторону. Дёргаюсь. Друг напрягается немного, глядя на меня. – Что, опять? Ты чё, блядь, прикалываешься? Ч-чёрт, Яр! Только держи себя в руках!

– Похуй! – сплёвываю у ног и цежу сквозь зубы, даже не оборачиваясь. Тщетно пытаюсь убедить друга и себя, что мне и правда всё равно. Яростно тушу сигарету прямо о свою ладонь, надеясь, что боль тлеющей попироски немного остудит мой пыл.

Клянусь, что после его слов меня непроизвольно затрясло. То ли злость, то ли чёрти знает что ещё прёт со всех щелей. Не знаю, что чувствую, аж горит всё внутри!

Анюта...

Анюта, твою мать!

Нравилась она мне просто раньше. Сильно нравилась! Да что там, мне долгие годы казалось, что я влюблён по уши, по-настоящему! Да и как её можно не любить?! Маленькая, красивая, со светлыми длинными волосами и голубыми глазами. Вся такая невинная, нежная и невесомая, словно ангелок.

Впервые я её увидел, когда припёрся к своему другу в гости после тренировки по тайскому боксу. Мы ходили в одну секцию и как-то сдружились с этим лопоухим. Мне было двенадцать, а ей семнадцать. Она Лёхина старшая сестра. Увидел и потерялся в её улыбке и бездонном небесном взгляде. Она всегда мне искренне улыбалась, обнимала при встрече, целуя в щеку, а я млел и отворачивался, неловко отводя взгляд. Я прямо таял возле её ног, безумно злясь на себя за это. С тех пор про себя я давно называю её «сладкой». И это не только из-за ее фамилии Сладкова. Она такая и есть.

Семья у них хорошая, не то, что у меня, и это невероятно бесило и раздражало. Всегда. Все такие добрые, любящие всех и вся кругом, особенно их мать. Про себя я назвал её блаженной. Но в хорошем смысле этого слова. Лариса Михайловна всегда привечала меня и кормила до коликов в животе. Даже если я отказывался, волокла за стол, утверждая, что растущему и молодому организму нужно много кушать. И я был безмерно рад и счастлив её настойчивости, потому что вкуснее стряпни никогда не пробовал! Скорее всего она прекрасно знала, что её еда была чуть ли не единственным приёмом пищи мной за целый день.

Я практически каждый раз оставался ночевать в их квартире. Она довольно большая, четырёхкомнатная. Места всем хватало. И эти дни, проведенные вместе с ними, были самыми замечательными в моей жизни и с ними же связаны мои самые лучшие воспоминания. И это тоже бесит. Потому что это – не моя семья и не мой дом! А связано всё, блядь, только с ними!

Лариса Михайловна, между прочим, до сих пор называет меня «сыночек». И это выводит из себя ещё больше, потому что мне это нравится! Нравится чувствовать себя членом настоящей и любящей семьи.

К этой женщине у меня до сих пор такие же нежные и крепкие чувства, как и пятнадцать лет назад. Она вырастила меня, покупала вещи, готовила к школе и даже ходила на родительские собрания,

благо, мы с Лёхой в одной школе учились, и она не считала накладным принять участие в моей жизни, в отличие от моей родной матери. Лариса Михайловна даже репетиторов мне нанимала, чтобы я хорошо закончил школу и поступил в технологический институт.

«Спорт – это хорошо, Ярочка, но востребованная и редкая профессия ещё лучше!» – это её слова, въевшиеся мне под корку сознания. И я не мог подвести свою вторую маму. Она и правда моя мать, пусть и не рожавшая меня. И я ей очень благодарен за всё, что она сделала для меня! И я стараюсь платить ей тем же. Всегда приношу продукты и подарки, правда, когда она одна дома или со своим мужем. В последние годы в этой большой квартире они остались одни. Анька с Лёхой живут отдельно. Нет, они, конечно же, тоже часто бывают у родителей, но я стараюсь в эти дни не стыковаться с ними... точнее с ней.

Отец Лехи, Сан Саныч, тоже стал мне почти что батей. Я его так и называю уже давно – «бать». Он и не против, только хлопает меня по плечу каждый раз и широко улыбается мне, пряча вдруг заслезиившиеся глаза. Он чуткий, но резкий, строгий мужик. Классный! Странно, как эти разные качества уживаются в нём. Но Саныч всегда относился ко мне по-отечески. И меня, опять же, это безумно бесило. Бесило, потому что я понимал, что они все меня жалеют. Я искренне не хотел этого! Не хотел, чтобы меня считали бродячим и бездомным псом! Но всё равно шёл чуть ли не каждый день в эту семью, а иногда и жил там целыми неделями, проводя с ними самые лучшие деньки. Здесь я был среди своих. По крайней мере, мне никогда не давали почувствовать обратное.

А Леха – брат мне! Самый настоящий братан, пусть и не по крови. Все они моя родня!

Все, кроме неё! Никогда не мог относиться к Аньке, как к сестре.

Ну какая она мне сестра, когда я дрочил на неё впервые? Это было в ванной и мне было четырнадцать. Она тогда приехала на каникулы после сессии из столицы, и я снова приперся к ним, потому

что знал, что будет Анюта. Я целый день не сводил с неё глаз, а она не обращала на меня никакого внимания. И это бесило! Точнее, как... Обращала, конечно, улыбалась, спрашивала, как мои дела, интересовалась учёбой или завёл ли я себе девушку. В общем, обычные бытовые вопросы старшей сестры и всего-то. И было видно, что считала она меня таким же сосунком, как и Лёху несмотря на то, что я уже тогда был выше её на голову. Всё, что мне оставалось делать – злиться. От бешенства и возбуждения я целый день ходил с таким стояком, что яйца потом неделю ныли. Помню, что в этот вечер я спер её нижнее бельё и пошёл заниматься делом под тёплыми струями душа. Тогда я стёр своего одноглазого чуть ли не до дыр.

Да уж, за эти годы я обляпал не одни её труселя и лифчики, представляя, что спускаю всё своё добро прямо в неё, а она стонет и извивается подо мной, громко выкрикивая моё имя. И почему-то так четко предстала перед глазами эта картинка, что иногда казалось, что это воспоминания прошлых дней, а не моё бурное и разыгравшееся воображение озабоченного пацана. Все свои действия становления меня, как мужчины, в принципе, всё, что я делал впервые, я посвятил ей: первая дрочка – на неё, в смысле, из-за неё; первый поцелуй – тоже её, хоть и был с такой же малолеткой, как и я сам, а посвятил Аньке, потому что представлял тогда её; первый секс – тоже её, всё по той же причине, хоть и была подо мной вовсе не она! Но я всегда сравнивал всех своих тёлок только с ней. И каждая проигрывала в этом сравнении с огромным отставанием, хотя Аньку и пальцем не трогал в сексуальном плане никогда в жизни.

Не знаю даже, отчего заселилось томящее чувство в мозгу, что она моя?! Должна быть моей и все тут! Не счесть, сколько раз я пытался с ней заговорить, но каждый раз стоял истуканом не в силах вымолвить и слова, как дебил, бя! Не знал, как привлечь её внимание к себе, чтобы зацепилась взглядом, заговорила о чем-то другом, а не об учебе или обычных бытовых вопросах. Наверное, не судьба. Думал, похоронил всё давно. Долго так думал.

А потом Анька уехала, и через полгода я узнал, что она выходит замуж! Замуж, блядь! Это был удар ниже пояса. Не, не так... Мне будто нож в сердце вставили, прокрутив его с десятков раз в разные стороны, оставив огромную рваную дыру, изнывающую от боли. Я выл белугой в своей комнате в общежитии, пока мать с отчимом пили у знакомых забулдыг. Так больно мне ещё никогда не было! Хотя вру, было. Когда я был у Лехи перед выпускным, а она приехала вместе со своим, сука, супругом к родителям, чтобы поздравить нас.

Поздравила, блядь! Спасибо!

Я тогда впервые решил сделать ей больно. Ну, какое там! Ей же было по хер на меня! Она же считала меня своим ещё одним младшим братиком, сраным малолеткой! А какой я малолетка, когда мне было уже восемнадцать! В общем, за углом школы я припечатался губами и прямо в такой хороший засос с девкой, что бегала за мной последнюю четверть, да так, чтобы Анька видела. Тогда всего на миг мне показалось, что в её глазах помимо удивления промелькнула боль. Но, к большому сожалению, всего лишь показалось. Она тогда вместе с Ларисой Михайловной подозвала меня и Леху к себе, чтобы надеть ленточки с надписью «Выпускник» и пожелать нам всего наилучшего, пуская слёзы, сопли и слюни от причитаний, как же сильно мы повзрослели. Надевая мне красную ленту с витиеватыми золотыми буквами, Аня искренне улыбалась мне, часто смагивая слёзы, что скопились в уголках её глаз. Чёрт! Чувствовал себя последним козлом! Разве можно обижать её?! Маленькая такая даже на каблуках, по грудь мне. Или это я уже так успел вырасти?! Сладкая, сил нет держаться, что хотелось зарыться ей в длинные светлые волосы и вдыхать такой родной аромат, который будоражит все мои рецепторы. Она потянулась ко мне, чтобы поцеловать в щеку, а я резко повернулся. Наши губы встретились всего на миг, но этого хватило, чтобы обжечься, а члену зашевелиться и стать колом. Анька отпрянула от меня, чуть смутившись.

— Брось его, — попросил тогда чуть слышно, — он не достоин тебя!

– Яр... – слёзы до сих пор стоят в её глазах. Понимаю, что не сделает этого никогда, и до конца своих дней будет терпеть этого мудилу.

– Дура! – зашипел я и съехался. Благо, никто не видел моего позора и моих слёз. И вместо того, чтобы как-то нормально и адекватно повести себя, я в очередной раз злился. Злился, что она до сих пор не воспринимает меня, как мужчину. И я снова рвал, метал и бесился уже покруче, чем в прошлый раз. Но вот только боль была ещё гуще и яростней. Я понимал, что начинаю ненавидеть её. Ненавидеть за то, что не обращала на меня внимания, за то, что всё равно жила в моём израненном сердце, которое ёкало каждый раз, если в семье речь заходила о ней. А я от обиды гнул ложки или вилки, потому что эти разговоры часто случались за столом при семейных ужинах. Злился за то, что не давала забыть о себе, каждый раз напоминая мне, что мы не можем быть вместе.

Она каждый раз поздравляла меня с днём рождения и другими праздниками, а я её нет. Даже «спасибо» не писал в ответ и не брал трубку, когда она звонила. А потом она перестала звонить. Остались только редкие смски.

Я думал, что вычеркнул её из своей жизни и своего сердца. Надоело жить иллюзиями и мечтами, которые никогда не сбудутся.

Честно? До сих пор был в этом уверен. Я даже мысленно настраивал себя, был готов к нашей встрече сегодня. Собирался просто игнорить её и всё. Детский сад, знаю. Но мне ведь насрать!

М-да, много воды утекло с тех пор, когда я видел её в последний раз. Лет девять назад, наверное, как раз после того случая с выпускным. Тогда я впервые и натянул ту девку, с которой целовался. Тогда я думал, что так мщу Анюте. Потому что она тоже трахалась со своим мужем, изменяя мне.

И мне на время полегчало.

Тогда я целыми днями стал тренироваться на ринге, чтобы забыть её. Только Гор, наш с Лёхой тренер, знал о моих чувствах к Анне. Он сказал, чтобы я перестал думать о ней, и, если мне дороги мои же

яйца, чтобы даже не смотрел в её сторону, потому что она старшая сестра моего друга, а значит, и моя. Да и Леха неплохой спарринг-партнер. А яйца, как ни странно, мне и правда дороги. Он доходчиво и кулаками пояснил, что для меня эти непонятные чувства плохо сказываются, делают меня рассеянным на ринге и невнимательным. И если я хочу чего-то добиться в жизни, то пора бы уже начинать.

И Гор был абсолютно прав. И я начал.

Не сразу, конечно, но я добился многого.

Несмотря на то, что у меня техническое образование, я не забросил спорт. Я являюсь руководителем небольшого предприятия у нас в городе. Мы делаем станки и холодильное оборудование для различных сфер деятельности. В свободное от работы время я выступаю на ринге по смешанным единоборствам в закрытом клубе «Олимп». Этим клубом и руководит Гор. Неплохие деньги, надо признать. Честным трудом, горбятся только на заводе, не зарабатываешь на квартиру и хороший внедорожник, кои у меня имеются, за такой небольшой промежуток времени. И всё благодаря доли Гора.

Я завидный жених и уже почти год встречаюсь с Ликой. У нас свободные отношения. По крайней мере у меня. Я ей не выношу мозг, а вот она в последнее время начинает бесить и напрягать, стараясь контролировать все мои действия. Не нравится мне подобный контроль, пора кончать с этим: «Ты где был?» или «Почему не позвонил?» или «Ярчик, хочу бэйбика от тебя!», – а ведь мы даже не живём вместе, просто у нас есть секс, и она иногда остаётся у меня после него. Про бэйбика было буквально вчера, и я аж подавился вином, которое попёрло из ноздрей, когда закашлял. Разговор короткий – молча попросил уйти, указав на дверь. Та заверещала, разрыдалась, но я не отступлю. Она не искренняя. Потрахаться – всегда пожалуйста, но семейная жизнь – это другое. У меня есть достойный пример хорошей семейной идиллии, и мне хотелось бы также. Но я не вижу Лику матерью своих детей. Ею была только одна. Та, с которой мне никогда не быть.